

Петунин Константин Борисович

ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1920-1930-Х ГОДОВ: ПУТЬ ИЗ ЛИДЕРОВ В ОТСТАЮЩИЕ ИЛИ ЖЕРТВА КОМПРОМИССА?

На основе новых для российской историографии материалов Национального архива Великобритании, стенограмм заседаний британского парламента и широкого круга литературы автор проанализировал практический аспект развития танковых войск в Великобритании 1920-1930-х годов. В статье рассматривается отношение английского политического и военного руководства тех лет к роли танка в армии, анализируется как реальное состояние британских танковых войск межвоенного периода, так и предпосылки к его формированию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 150-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(4)

Исторические науки и археология

На основе новых для российской историографии материалов Национального архива Великобритании, стенограмм заседаний британского парламента и широкого круга литературы автор проанализировал практический аспект развития танковых войск в Великобритании 1920-1930-х годов. В статье рассматривается отношение английского политического и военного руководства тех лет к роли танка в армии, анализируется как реальное состояние британских танковых войск межвоенного периода, так и предпосылки к его формированию.

Ключевые слова и фразы: Великобритания; межвоенный период; танк; британская армия; механизированная война; военная техника; военные доктрины; роль танка в армии.

Петунин Константин Борисович

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта
konstantin.pet.rf@mail.ru*

**ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1920-1930-Х ГОДОВ:
ПУТЬ ИЗ ЛИДЕРОВ В ОТСТАЮЩИЕ ИЛИ ЖЕРТВА КОМПРОМИССА?**

Межвоенные годы являлись интереснейшим временем с точки зрения развития вооруженных сил. Прошедшая Первая мировая война не только показала человечеству все ужасы массового военного конфликта, но и дала мощнейший стимул к созданию новых видов оружия и развития уже имевшихся. Вслед за оружием возникла необходимость в модернизации тактики и стратегии ведения войн, были созданы новые рода войск. Одной из самых известных и заметных новинок прошедшей войны, безусловно, был танк, впервые применённый английскими войсками в битве при Сомме [38, р. 93] и являвшийся попыткой преодоления тупика окопной войны [4, с. 309]. Естественно, что танк стал частью вооруженных сил, а также причиной многих споров в военной и политической среде.

Широко известно, что именно Великобритания является родиной танка и танковых войск, но первенство не является гарантией долгосрочного лидерства. Описывая ситуацию в армии накануне Второй мировой войны, британский историк Д. Эджертон писал: «Слабым местом Великобритании являлась малая по численности армия. Современные исследования показали, насколько значим был танк для подобной малой армии. Во время и после (Первой мировой) войны у английской армии сформировалось крайне продуктивное танковое лобби, сделавшее из Англии лидера в вопросах танкостроения» [14, р. 45]. Однако в отечественной и зарубежной историографии распространено и противоположное мнение. Так, например, британский исследователь Кристер Йоргенсен в своей книге «Танковая война: стратегия и тактика» пишет: «Те немногие, кто осмелился думать в терминах новой войны, где танк играл ключевую роль, были либо лишены голоса, либо игнорировались. Британия была наиболее ярким примером пренебрежения и невежества. После изобретения оружия британцы отказались от него в пользу возврата к “нормальной” армии» [32, р. 19]. А в обширном отечественном труде «История Второй мировой войны», при подведении итогов британской межвоенной политики в области развития вооруженных сил, указывается на то, что «вследствие консерватизма высшего военного руководства Англии вопрос об увеличении количества бронетанковых частей так и не был решен до начала войны» [3, с. 392]. В более поздний период отечественный военный историк М. Б. Барятинский утверждал, что «в Англии затянулась дискуссия о роли и месте танков в современной войне. Неопределённость в этом вопросе тормозила разработку соответствующих тактико-технических требований и выдачу заказов промышленности» [1, с. 2]. Для отечественных же историков как советского, так и нынешнего периода характерно повышенное внимание к британским танковым войскам периода Первой и Второй мировых войн. В случае межвоенного периода этот род войск зачастую упоминается лишь мельком, зачастую в виде рассмотрения технической составляющей и лишь поверхностного упоминания военных, политических и экономических аспектов развития Великобритании 1920-1930-х годов, сформировавших облик как армии в целом, так и танковых войск в её составе. На этом фоне весьма интересной является монография Е. Белаш «Танки межвоенного периода» [2], увидевшая свет в 2014 году, в которой, среди прочего, рассматриваются британские танковые войска указанного временного отрезка. Однако и в этом исследовании основное внимание уделяется боевому применению английских танков, без рассмотрения других элементов развития данного рода войск. Между тем именно освещение ситуации, сложившейся в британских танковых войсках в период межвоенных десятилетий, помогло бы понять, почему вооруженные силы столь развитой в военном, промышленном и экономическом отношении державы, как Великобритания, оказались в ситуации, описанной в своих мемуарах боевым офицером, прошедшим всю Вторую мировую войну, будущим начальником Имперского Генерального штаба и фельдмаршалом Б. Монтгомери. Состояние британских танковых войск на начало войны он описывает следующим образом: «Где-то во Франции имелась одна армейская танковая бригада, подчиненная непосредственно главнокомандующему. Лично я не видел ни одного танка этой бригады ни зимой, ни во время активных боевых действий в мае. А ведь именно мы, англичане, изобрели танк и впервые в 1916 году использовали его в бою. К стыду, приходится признать,

что мы послали нашу армию на эту самую современную войну с совершенно неадекватным вооружением и снаряжением» [6, с. 46]. Что же привело к ситуации, при описании которой из-под пера британского военачальника вышли эти строки, пропитанные горечью за упущенное страной лидерство? Каким было реальное положение дел в танковых войсках Великобритании межвоенного периода?

Помочь ответить на этот вопрос, в числе прочего, могут архивные документы и стенограммы заседаний британского парламента. Эти источники, ставшие более доступными, в первую очередь, для отечественных историков благодаря появлению их цифровых копий, позволяют под новым углом взглянуть на историю британских танковых войск межвоенного периода, а также на роль танка в британской армии 1920-1930-х годов и понять, чем руководствовались английские военные и политики, рассуждая о будущем танковых войск. Рассмотрение ситуации в британских танковых войсках межвоенного периода уместнее начать с последнего вопроса, так как именно ответ на него позволит понять основные причины, по которым эти войска развивались в том, а не ином русле. Для этого, в первую очередь, необходимо осознать, какая армия, по мнению британских военных и политиков, требовалась Империи.

После окончания Первой мировой войны в правящих кругах Великобритании установилось мнение о невозможности новой большой войны в Европе в ближайшее время. Этому были все основания – главные геополитические соперники Англии зализывали раны, как Франция, были скованы условиями Версальского договора, как Германия, или вовсе прекратили своё существование, как Австро-Венгрия. По континенту прокатилась череда революций. В этих условиях в 1919 году английское военное и политическое руководство пришло к выводу, что большой европейской войны не будет ещё минимум 10 лет [43, р. 24], а в 1927 году было предложено исходить из этого предположения при планировании развития армии и на будущее десятилетие [38].

Безусловно, английские военные и политики всегда учитывали возможность возникновения угрозы со стороны континентальных держав. В то же время серьезной необходимости в чрезмерном увеличении численности сухопутных войск они не видели. Самой большой проблемой для острова считалась авиация. Если в 1920-е годы роль такой угрозы для Англии играли французские ВВС, то в 1930-х годах вероятным противником в Европе начала считаться активно перевооружавшаяся Германия. При этом главный рубеж обороны по замыслу британского руководства проходил всё так же по воздуху. Именно Люфтваффе считались наибольшей угрозой Британским островам, о чём недвусмысленно заявляли такие ведущие английские политики, как Черчилль [24] и Ллойд Джордж [26], на заседаниях парламента. Вторил им во время официального визита во Францию в 1938 году и Чемберлен, заявляя о приоритете обороны от атак с воздуха перед развитием наземных войск [42, р. 6].

Английские военные при рассмотрении текущей и гипотетической военной ситуации в Европе склонялись к выводу, что сухопутные войска Третьего рейха безусловно представляют опасность, но в случае военных действий против Англии, Франции и примкнувших государств не имеют возможностей и ресурсов для победы. При этом высказывалась уверенность в надёжности французской линии Мажино и других европейских укреплений. В приложении к меморандуму министра координации обороны Томаса Инскипа «Готовность Великобритании к войне» от 1937 года даётся заключение, что «в случае возможной войны Германия не будет иметь достаточное количество войск или единиц танков и артиллерии, необходимых для наступления против Франции и Бельгии с разумной перспективой успеха... По этим причинам германский генеральный штаб вряд ли считает, что сил немецкой армии достаточно, чтобы предпринять акт агрессии» [40, р. 4]. И хотя в том же документе сообщалось о 100% дефиците лёгких танков в экспедиционных силах, к формированию которых придётся приступить в случае войны, а также о том, что приданные этим войскам средние танки будут устаревшими и не годными к боевым действиям, в итоге даётся следующее заключение: «Если немцы не провели строительство тяжелых танков в тайне и в больших масштабах, они не будут в мае 1937 года обладать танковыми подразделениями, способными к прорыву французских или бельгийских пограничных укреплений с помощью боевых машин» [41, р. 18].

Исходя из этих предположений, британское военное и политическое руководство сконцентрировалось на имперских проблемах. Одной из ключевых задач текущего времени, на их взгляд, являлось обеспечение порядка в колониях и защита этих территорий от посягательств иных стран. Вот как говорил об этом в 1934 году на заседании парламента финансовый секретарь военного министерства Дафф Купер, перечисляя задачи армии в порядке важности: «Одной из первейших целей, стоящих перед армией, является защита наших военно-морских баз... Вторая цель, которой служит армия, это защита определенных границ и поддержание порядка в некоторых территориях, где мы взяли на себя серьезные обязательства. На данный момент наиболее важной из них является Индия... В третью очередь, армия существует, чтобы защитить эту страну» [23]. В похожем порядке приоритеты расставлялись и в официальных документах того периода. Например, в программе оборонных расходов, подписанной военным министром Хор-Белиша в апреле 1938 года, говорится о необходимости формирования полевых сил, исходя из перспективы их применения в колониях и для общеимперских нужд, а не для войны на континенте [13, р. 2]. Более того, даже в 3-м томе полевого устава 1935 года в разделе, озаглавленном «Природа войны», говорится: «Британская империя имеет интересы в каждом уголке мира, следовательно, контроль морских коммуникаций является главным приоритетом. Армия может потребоваться в первую очередь для защиты военно-морских баз» [15, р. 2]. Таким образом, роль британской армии как инструмента для решения общеимперских задач, зачастую сопряженных с поддержанием порядка и защитой баз флота и коммуникаций, доводилась до каждого английского командира, начиная с младшего состава.

Из вышесказанного становится ясно, что Великобритании межвоенного периода, по мнению военного и политического руководства, требовалась универсальная армия, способная поддерживать порядок на территории Империи, защищать базы флота, разбросанные по всему миру, а также участвовать в локальных конфликтах за пределами метрополии. Именно подобный подход к построению всей армии в целом во многом предопределил судьбу английских танковых войск 1920-1930-х годов, являвшихся её неотъемлемой частью.

Исходя из такого видения проблемы, британские военные делали вывод, что Великобритания не нуждалась в многочисленных танковых войсках, вооруженных тяжёлыми танками, назначением которых являлся прорыв мощной обороны противника и последующие боевые действия против хорошо вооруженной и подготовленной армии. По мнению ряда военных того времени, танки в подобных условиях были не нужны вовсе, а являлись лишь пустой тратой средств. Данный вопрос неоднократно поднимался в парламенте как в 1920-е [18], так и в 1930-е [25] годы. Одни сторонники этого утверждения, подобно военному, политику и писателю Д. М. Кенворти, апеллировали к тому факту, что в Европе воцарился мир, а следовательно, любые разработки, производство, а тем более учения с применением бронированных сил являются пустой тратой времени и средств в условиях скудного бюджета [19]. Другие, как военный и политик А. Батерст, указывали на чрезмерную дороговизну бронированных сил по сравнению с другими родами войск, заявляя, что «кавалерийский полк стоит £ 87 700, в то время как танковый батальон обходится в £ 192 900 (в год)... <...> я думаю, что мы не можем позволить себе иметь больше танков, чем необходимо для экспериментальных целей...» [17]. В сторонники ограничения числа танков попал даже один из «отцов» этого оружия – Черчилль, выступавший в 1920-е годы в парламенте с призывом снизить количество производимых бронированных машин до минимума, необходимого для экспериментов в этой области [16]. На этом фоне вполне логичным выглядело утверждение военного министра Лэминга Уортингтона-Эванса от 19 июля 1927 года о том, что танки нужны лишь в случае европейского военного конфликта, при войне в колониях эти дорогие и тяжёлые машины излишни [38].

В тех же случаях, когда существование танков признавалось необходимым, британские военные и политики желали получить во многом универсальные танковые войска, способные органично вписаться в структуру армии. Вот что говорил по этому поводу тот же Уортингтон-Эванс, выступая перед парламентом в 1929 году: «Развитие бронетанковых сил должно проходить почти по такой же схеме, что и других войск. Нам, в первую очередь, нужны подразделения с большой подвижностью, которые могут выполнять задачи далеко от дома и которые в этом отношении будут механическим эквивалентом независимой кавалерии прошлых дней. Эти подразделения будут состоять в основном из бронированных автомобилей или легких танков, не способных к серьёзному наступлению, однако имеющих достаточно огневой мощи. На втором месте по значимости для нас другой тип подразделений, целью которого является объединить большую мощь удара и броневой защиты с достаточной подвижностью для маневра, а не лобовой атаки. Они будут состоять из средних и легких танков. Мы ожидаем, что эта организация легких и средних бронированных бригад, в сочетании с кавалерийскими и пехотными подразделениями, должна подходить для любого типа местности в любой части мира и для любого вида маневра» [20].

Вполне естественно, что подобный подход к организации танковых войск приводил к снижению численности и боеготовности танковых подразделений в метрополии, где в них не видели необходимости, и увеличению числа танков в колониях, в условиях которых дорогие и сложные в эксплуатации гусеничные машины часто предпочитали заменять броневыми автомобилями, построенными на коммерческом шасси. Эта тенденция хорошо заметна, если взглянуть на цифры, отражающие число и место пребывания бронетехники в 1920-1930-е годы. Если в 1923 году все британские танки, за исключением лишь 1/3 танкового батальона, находившегося в районе Рейна, располагались на территории метрополии, так же как и два из трёх соединенных броневых автомобилей (третье находилось в Египте) [35, р. 12], то в 1931 году 10% танков и 68% броневых автомобилей уже находилось в колониях. При этом количество броневых автомобилей превышало число танков почти в два раза, имея тенденцию к увеличению отрыва [34]. Что касается танков, то, несмотря на наличие около 400 машин, боеспособных и относительно современных среди них было в два раза меньше, чем 10 лет назад, – 2 батальона против 4 [Ibidem, р. 8], и почти все эти машины находились за пределами метрополии.

В условиях колоний предпочтение отдавалось лёгким танкам. Вполне обоснованно считалось, что, имея более высокую проходимость, чем колёсные транспортные средства, они обладают достаточной защитой и вооружением для борьбы с мятежными жителями колоний [36]. Однако, когда речь заходила о применении танков в заморских владениях, британских военных волновала возможность захвата такого опасного оружия, как танк или бронемашинка, повстанцами, особенно в Индии. К 1929 году это беспокойство достигло такой точки, что начальником Имперского генерального штаба было принято решение набирать не только танковые экипажи, но и обслуживающий персонал в заморских владениях исключительно из англичан, препятствуя доступу аборигенов к танкам настолько долго, насколько это представляется возможным [Ibidem, р. 2]. Подобный подход неизбежно приводил к ограничению размеров танковых войск за пределами метрополии.

Таким образом, в английской армии 1920-1930-х годов сформировался запрос на преимущественно лёгкие танки. В условиях, для которых они предназначались, высокая скорость, большая численность и относительно малый расход горючего были крайне важны для британских бронированных машин, а тонкая броня и слабое вооружение не являлись недостатком. Более того, большее бронирование или более мощное вооружение были зачастую избыточны и даже вредны, так как вызывали увеличение веса и расхода горючего,

снижая возимый боекомплект (могущество¹ которого было совершенно излишним в боях с лёгкой пехотой и кавалерией), надёжность подвески и проходимость. Более мощные танки порой просто не могли быть использованы в условиях колоний, о чём часто говорили британские военные [22]. С другой стороны, быстрые и массово производимые лёгкие танки, танкетки и бронемашины как нельзя лучше вписывались в «кавалерийскую концепцию»² использования этих видов техники, что не требовало серьёзного изменения тактики и стратегии и зачастую импонировало многим заслуженным генералам, занимавшим, по свидетельству современников [6, с. 35], высшие армейские посты не только в 1920-е, но и в 1930-е годы. При этом подобные машины устраивали и многих сторонников танков как нового – революционного оружия, так как они всё же вытесняли лошадей, позволяя вести дискуссии уже не о необходимости бронемашин как таковых, а о способах их применения, а также часто успешно вписывались в концепцию современной манёвренной войны, требовавшей наличия быстрых и многочисленных танков и бронемашин. Наконец, относительно малая стоимость как производства, так и обслуживания лёгких танков давала возможность иметь их в достаточно большом количестве, что позволяло частично ответить на задаваемый рядом политиков и военных вопрос, который озвучил в 1929 году финансовый секретарь военного министерства Дафф Купер: «Один танк, может, и стоит 100 человек, но как вы можете отправить его более чем в одно место одновременно?» [20], при этом избегая непомерной нагрузки на бюджет государства, и без того находившегося не в лучшей форме.

Действуя в русле запросов военных, британская промышленность 1920-1930-х годов приступила к разработке и производству средних и лёгких танков. В результате были созданы и приняты на вооружение такие машины, как средний танк «Виккерс» в модификациях МКІ-ІІІ, ставший основным средним танком Королевского танкового корпуса (КТК) межвоенного периода. Конструкция этой бронированной машины полностью отражала британскую концепцию применения танковых войск тех лет. Танк был оборудован двигателем воздушного охлаждения, столь важного в жарких странах, что должно было обеспечить независимость машины от источников воды, и вооружён модификацией лёгкого корабельного 3-фунтового орудия *Ordnance QF* и 7,7 мм пулемётом. Также в разных модификациях на вооружение английской армией была принята танкетка «Карден-Ллойд», ставшая самой массовой бронированной гусеничной машиной межвоенной Англии [10, р. 65]. Эта лёгкая в транспортировке и обслуживании, слабо вооруженная и бронированная танкетка отлично подходила для многих колониальных театров военных действий и классифицировалась в документах того времени как лёгкий танк. Например, в 1929 году командующий войсками в Трансиордании полковник К. А. Шуг, рекомендуя придать лёгкие танки верблюжьей кавалерии, говорит о «Карден-Ллойд» как о двухместном лёгком танке [41, р. 3]. Данный образец британского танкостроения 1920-1930-х годов снискал любовь не только у британских военных, но и в других странах, массово закупавших и производивших по лицензии эти машины [9, с. 70]. При этом другое детище фирмы «Виккерс» – полноценный танк «Виккерс» 6-тонный, заслуживший популярность за границами Великобритании, не заинтересовал английских военных. Будучи более тяжело вооруженной и бронированной машиной, что не давало серьёзных преимуществ в условиях заморских владений, этот танк обладал меньшим запасом хода, большей стоимостью и комплектовался быстро перегревающимся в условиях жаркого климата двигателем, что, вероятно, сыграло свою роль в решении британского командования не закупать данную машину [Там же, с. 70-71]. К середине 1930-х годов в Великобритании начались разработка и производство крейсерских и пехотных танков. Такие модели крейсерских танков, как А9, А10 и А11, были разработаны в соответствии с требованиями главного инспектора КТК и, обладая лёгкой бронёй, высокой скоростью и достаточным вооружением, должны были использоваться для быстрых и манёвренных действий на флангах противника и в его тылу, при этом идеально отвечая «кавалерийской концепции» применения танков. Не в последнюю очередь на создание и принятие на вооружение этих машин британцев подтолкнуло участие в больших советских танковых учениях 1936 года в качестве наблюдателей ряда английских военных. В ходе этих манёвров на многих англичан, в том числе и на будущего генерала и командующего КТК Жиффара ле Квесн Мартеля, произвели большое впечатление скорость и манёвренность советских танков БТ [44, р. 35-43]. В свою очередь, пехотные танки А11 и А12 должны были органично интегрироваться в структуру пехотных частей, обеспечивая им защиту бронёй и поддержку огнём на поле боя, для чего эти танки были впервые в английской истории оснащены противоснарядной бронёй толщиной 60 мм и вооружены пулемётом (А11) и пушкой (А12). Экипаж в два человека и малая скорость, по мнению военных, не должны были стать проблемой, так как танк предполагалось использовать в наступающих пехотных порядках, что предполагало неторопливое и мало-маневренное передвижение [Ibidem, р. 59-61].

Однако, несмотря на разработку и производство новых типов техники, лёгкие танки составляли большую часть гусеничных боевых машин, состоявших на вооружении КТК вплоть до начала Второй мировой войны, к которой британская армия пришла, имея 729 лёгких танков и только 130 крейсерских и пехотных [9, с. 70]. При этом командованием не прорабатывался крайне важный вопрос восстановления и ремонта техники в случае начала масштабных боевых действий, о чём может свидетельствовать тот факт, что ремонтно-восстановительные части в британских войсках появились только в разгар войны в 1942 году. О важности

¹ В военном деле под понятием «могущество боеприпаса» понимается показатель эффективности его действия у цели [7, с. 162].

² Под кавалерийской концепцией подразумевается идея замены танком лошади, довольно популярная в британских военных кругах межвоенного периода [5].

этих подразделений можно судить по тому, что к концу войны их численность превышала размер довоенной регулярной британской армии [8, с. 215].

Не спасло ситуацию и начавшееся перед Второй мировой войной перевооружение. Отчасти успокоенные кажущейся мощью французской армии и европейских оборонительных систем, англичане предпочитали распределять финансы в пользу других видов оружия и планировали формирование боеспособных танковых соединений в течение месяца и более после начала боевых действий в Европе, о чём свидетельствуют такие документы, как прогноз, составленный Комитетом имперской обороны на случай возможной войны в 1937 году [11]. Более того, активное перевооружение порой приводило к урезанию финансирования танковых войск. Масштабная подготовка к войне требовала больших ресурсов, перераспределявшихся с менее значимых, по мнению руководства страны, проектов на более важные. Результатом этого стала тотальная экономия на «второстепенных» родах войск, как в случае с оборонными расходами на 1938 год, когда в приложении к основному документу отмечается факт экономии £ 7 000 000 путём сокращения числа танковых резервов, а также замены части производимых танков более лёгкими и дешёвыми образцами. Также около £ 4 000 000 было сэкономлено на сокращении запаса боеприпасов для танковых орудий [12, р. 19]. Значительную роль в выборе объектов для экономии КТК сыграло острое нежелание британского руководства втягиваться в новую войну на континенте, о чём неоднократно заявляли английские военные и политики. Так, например, во время заседания Кабинета, состоявшегося 22 декабря 1937 года, военный министр Хор-Белиша недвусмысленно заявил, что Франции более не стоит смотреть на Англию как на поставщика живой силы и рассчитывать на масштабную помощь в случае войны [33, р. 23]. Результатом этого стали не только недоукомплектованность ряда танковых соединений новыми и боеспособными машинами [31], но порой и отсутствие либо малое количество пригодных к эксплуатации машин в этих подразделениях. Особенно заметно это проявилось в территориальных войсках, предназначенных для защиты метрополии. Доходило до того, что некоторые танкисты ни разу не видели новых танков, а на учениях вместо них использовали флаги, обозначавшие бронетехнику, орудия и пулемёты [29]. Кроме того, в погоне за сокращением расходов британские политики и военные так и не озаботились серийным выпуском защитного шлема для танковых экипажей. На первый взгляд, эта малозначительная деталь амуниции мало что может сказать об общем положении дел, ведь это не сам танк, от конструкции которого зависит столь многое, не боеприпасы, характеристики которых столь любят сравнивать отдельные исследователи, это всего лишь шлем, должный защищать голову танкиста в первую очередь не от осколков и пуль, а от ударов о внутренности боевой машины. Но здесь будет уместно вспомнить простую истину, что «оружие само по себе не воюет». И чем сложнее и совершеннее оружие, тем больше исход боя зависит от человека. Именно танковый шлем позволяет танкисту комфортно ощущать себя в бронированной машине и думать о выполнении боевой задачи, а не о том, как уберечь свою голову от травм. Как ни парадоксально, но именно в Англии, впервые озаботившейся созданием танкового шлема в ходе Первой мировой войны, в межвоенный период практически полностью забыли об этом элементе обмундирования. На протяжении 1920-1930-х годов было создано несколько прототипов, некоторые из которых даже были выпущены малыми партиями, однако ни один из них не был принят на вооружение. В результате даже в августе 1939 года, ровно за один месяц до начала Второй мировой войны, Хор-Белиша был вынужден констатировать, что британские танкисты лишены этого элемента защиты [30]. Подобная «мелочь» приводила к тому, что английские танкисты не могли не только полноценно вести бой, но банально передвигаться по пересечённой местности внутри своих боевых машин без риска получить серьёзную травму задолго до вступления в схватку с противником.

На этом фоне к 1930-м годам в британских военных и политических кругах, вероятно, под влиянием результатов применения танков в колониях сложилось довольно парадоксальное мнение о наличии у Великобритании лучших в мире лёгких танков [27]. Действительно, как в официальных документах, так и в своих выступлениях в парламенте британские военные и политические деятели открыто признавали проблемы в области средних и тяжёлых танков, называя их устаревшими, плохими, а порой и вовсе негодными. Но в тех же документах и речах звучали утверждения о лидерстве Англии в производстве и проектировании лёгких танков, при этом авторы, в числе которых был и Хор-Белиша, не скупились на цветистые эпитеты вроде «лучший в мире» и «самый совершенный» [28]. Этот факт оказывал своеобразное успокаивающее воздействие как на самих британских военных и политиков, так и на простых граждан, создавая иллюзию достаточно современных и хорошо вооружённых танковых войск вплоть до начала Второй мировой войны.

Подводя итог развитию британских танковых войск межвоенного периода, можно сделать вывод, что состояние, в котором они подошли ко Второй мировой войне, было вызвано не столько косностью и неприязнью нового в среде английского военного и политического руководства, сколько желанием последнего иметь универсальную армию, способную выполнить целый комплекс задач по обороне Империи. Это желание можно проиллюстрировать словами Даффа Купера: «Мы можем иметь только одну армию, и эта единственная армия должна быть разработана на основе компромисса с идеей, что она должна выполнять все цели, для которых предназначена» [23]. Подобное мнение, в сочетании с категорическим нежеланием вступать в войну на континенте, экономическими проблемами и неверной оценкой военных возможностей как союзников, так и вероятного противника, привело к тому, что танковые войска, являющиеся частью армии, развивались недостаточно и с явным уклоном в сторону применения их в колониях. Всё это показывает, что путь развития британских танковых войск в 20-30-е годы XX столетия выглядел как путь компромисса. Ответ на вопрос о верности этого курса дала Вторая мировая война.

Список литературы

1. Барятинский М. Б. Бронетанковая техника Великобритании (1939-1945). М.: Моделист-Конструктор, 1996. 32 с.
2. Белаш Е. Танки межвоенного периода. М.: Тактикал Пресс, 2014. 224 с.
3. История Второй мировой войны 1939-1945 гг. / под ред. Г. А. Деборина. М.: Воениздат, 1974. Т. 2. Накануне войны. 474 с.
4. Лиддел Гарт Б. История Первой мировой войны. М.: АСТ, 2014. 574 с.
5. Магадеев И. Лошади или танки? Дискуссии в британской армии 1920-х гг. // Исторические записки. Пенза: ГУМНИЦ, 2011. Т. 15. С. 34-44.
6. Монтгомери Б. Мемуары фельдмаршала. М.: Вагриус, 2006. 384 с.
7. Плехов М. А. Словарь военных терминов. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
8. Фуллер Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. СПб.: Полигон, 2005. 544 с.
9. Холявский Г. Л. Энциклопедия танков. М.: Харвест, 2006. 576 с.
10. Chamberlain P. Tanks of the World 1915-1945. L.: Cassell, 2002. 256 p.
11. Comparison of the Strength of Great Britain with That of Certain Other Nations as at January 1938. 3rd December, 1937 // National Archives of Great Britain. Public Record Office (NAGB PRO). CAB 24-273-21.
12. Defence Expenditure in Future Years. Appendix III. 27 January, 1938 // NAGB PRO. CAB 24-274-24.
13. Defence Expenditure in Future Years – The War Office Programme. 22th April, 1938 // NAGB PRO. CAB 24-276-26.
14. Edgerton D. Warfare State: Britain, 1920-1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 382 p.
15. Field Service Regulations. L.: The War Office, 1936. Vol. III. 1935. 75 p.
16. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/mar/09/tasks> (дата обращения: 01.12.2015).
17. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1928/mar/08/territorial-army> (дата обращения: 19.12.2015).
18. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1928/mar/20/army-estimates-1928> (дата обращения: 11.12.2015).
19. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1928/jul/02/military-manoevres-1928-military> (дата обращения: 18.12.2015).
20. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1929/feb/28/army-estimates-1929> (дата обращения: 29.11.2015).
21. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1929/feb/28/disarmament> (дата обращения: 07.12.2015).
22. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1932/mar/08/number-of-land-forces> (дата обращения: 15.12.2015).
23. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1934/mar/15/mr-duff-coopers-statement> (дата обращения: 30.11.2015).
24. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1934/nov/28/debate-on-the-address> (дата обращения: 18.12.2015).
25. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1935/mar/18/army-estimates-1935-1> (дата обращения: 18.12.2015).
26. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1936/may/21/supply-2> (дата обращения: 10.12.2015).
27. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1937/mar/16/army-estimates-1937> (дата обращения: 18.12.2015).
28. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1939/mar/08/army-estimates-1939> (дата обращения: 21.12.2015).
29. http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1939/jul/04/territorial-tank-regiments (дата обращения: 03.12.2015).
30. http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1939/aug/01/mechanised-units-casualties (дата обращения: 08.12.2015).
31. http://hansard.millbanksystems.com/written_answers/1939/aug/03/tank-battalions (дата обращения: 08.12.2015).
32. Jorgensen C. Tank Warfare: Strategy and Tactics – The Illustrated History of the Tank at War 1914-2000. L.: Spellmpoint Limited, 2001. 176 p.
33. Meeting of the Cabinet to Be Held at No. 10, Downing Street. 22nd December, 1937 // NAGB PRO. CAB 23-90A-10.
34. Military Appreciation of the Situation in Europe, March, 1931. Appendix. Statistics and Appreciations of the Military Problems of the Following Armies. 31st March, 1931 // NAGB PRO. CAB 24-220-46.
35. Our Military Strength in Relation to Our Military Commitments. Memorandum by The General Staff. April, 1923 // NAGB PRO. CAB 24-159-100.
36. Proposals for the Mechanization of Native Units in the Colonies, 18th November, 1929 // NAGB PRO. CAB 24-207-13.
37. Stern A. G. Tanks 1914-1918: The Log-book of a Pioneer. L.: Hodder & Stoughton, 1919. 297 p.
38. The Preparation of the Army for War. Memorandum by the Secretary of State for War, 19th July, 1927 // NAGB PRO. CAB 24-188-7.
39. The Preparedness for War of Great Britain in Relation to Certain Other Powers by May, 1937. Appendix II, 9 February, 1937 // NAGB PRO. CAB 24-268-8.
40. The Preparedness for War of Great Britain in Relation to Certain Other Powers by May, 1937. Appendix A, 9 February, 1937 // NAGB PRO. CAB 24-268-8.
41. Trans-Jordan Frontier Force. Proposals for Mechanization of Native Units. 29 October, 1929 // NAGB PRO. CAB 24-207-13.
42. Visit of British Ministers to Paris, 26 November, 1938 // NAGB PRO. CAB 24-280-24.
43. Winton H. R. To Change an Army: General Sir John Burnett-Stuart and British Armored Doctrine, 1927-1938. Lawrence: University Press of Kansas, 1988. 275 p.
44. Wite B. T. British Tank 1915-45. L.: Ian Allan, Ltd., 1963. 72 p.

**GREAT BRITAIN TANK FORCES OF THE 1920-1930S:
WAY DOWN OR VICTIM OF COMPROMISE?**

Petunin Konstantin Borisovich
I. Kant Baltic Federal University
konstantin.pet.rf@mail.ru

On the basis of the new for the Russian historiography materials of the British National Archive, the records of the British Parliament meetings and a wide range of literature the author analyzes the practical experience of tank forces development in Great Britain of the 1920-1930s. The paper examines the attitude of the English political and military leadership of that time to the role of the tank in the army, analyzes the real state of the British tank forces of the inter-war period and the backgrounds for their formation.

Key words and phrases: Great Britain; inter-war period; tank; the British army; mechanized war; military equipment; military doctrines; role of the tank in the army.